

# В пасхальную ночь — эпизод 6 из 6

В это время «заговорило со столба». На старика со всех сторон зашикали, а кто-то даже пригрозил: «Дошабаршишь ты у меня до худого!» Старик и сам растерялся. С вечера он видел, что на столбе «пристраивают какую-то штуку», но думал, что тоже к «фокусу с картинками», и вдруг оттуда «заговорило». Да ведь громко и четко как. Но старик недаром называл себя «бывальцем». Он и здесь разгадал хитрость. «Грамофон поставили. Большой только. Мало ли я их слышал, как по городам жил. В каждой пивной бывали. Поставят кружок, он и говорит, либо песни поет. Очень просто». Успокоившись на этом, старик решил: «Пусть послушают, кому не доводилось, а потом я все и выложу, — какой обман подведен».

Вначале, как и предупреждал Гриша, говорили крестьяне разных районов. Каждый старался «доказать» своим землякам, что это говорит именно он, а не другой кто-нибудь. Убедительнее всего это достигалось приветами родным и близким с полным перечнем всех членов семьи. Старый «бывалец» лишь усмехался, слушая эти разговоры. Ишь, подстроили! Грамофон, а будто люди говорят! Ловко придумали. Кто вот только кружочки меняет?

Но вот объявили: «Сейчас будет говорить Иван Кузьмич Паршуков из села „Круглые Озера“». Все насторожились и с первых слов стали переговариваться:

— Его голос...

— Маленько будто не такой, а походит.

— Через машину ведь... А речь его. Ишь сыплет...

— Точно... Как горох на железный лист.

— Иван Кузьмич... Ни с кем его не смешаешь.

Паршуков похвалился, что ему удалось достать все, за чем он ехал, передал, как и другие, «поклончики» своим семейным и друзьям. В заключение добавил:

— Савве Трофимычу, который у нас при пожарной, купил четыре картузика нюхательного табачку. Того самого, какой он заказывал. Ярославской фабрики. Много его тут. Не выберешь. Пусть утешится, да про бак не забывает. Не рассушить бы, как в позапрошлом году.

Дальше стал говорить еще какой-то представитель района, но его уж мало слушали. Конец речи Паршукова всех развеселил. Посыпались шутки.

— Слышал, Трофимыч, купил тебе табачку-то, какого надо?

— Он, поди, то и сердитый, что самотером нос набивает.

— Прочистит ярославским, так и «Светлый город» увидит.

— А насчет баку правильно. Пора воду подвозить.

— Ненадежна погода. Разморозит еще, — пытался возражать старик.

— Придумал отговорку. Пахать скоро, а он, — разморозит!

— Чем бы зря людям мешать, взял бы да и нарядил привезти бочку, две...

Конец этому подшучиванию над «пожарным дедом» положил концерт. Все замерло, когда в сопровождении музыки запел чудесный мужской голос. Захватил он даже старого «бывальца», который когда-то сам бывал в музыкальной команде и теперь одобрительно приговаривал: «Эх, выносит! Вот подымает!» Даже тем, кто много раз слышал и раньше любил этот сильный редчайшего тембра голос, он казался полней и сильнее в этой густой темноте тихой деревенской ночи. Не мудрено, что он зачаровал музыкальное ухо деревенской девушки, никогда не слыхавшей ничего подобного. Дуня стояла в оцепенении. Ведь как поет! Каждое слово, как обточенное, а последнее так и растаяло в сладком тумане. Звуков уж нет, но они продолжают звенеть и дрожать где-то внутри, неуловимо, но прекрасно. Этот же голос пел еще и еще, и Дуне казалось, что она сама зазвенит от восторга. Запели скрипки. Совсем не так, как у регента Кузьмы. Дальше опять чудесный голос. На этот раз женский, чуть гортанный, со звоном металла и побеждающий страстностью, он песней рассказывает о праве на любовь!

— Заворожило мою Дуняшку? — шепчет рядом ласковый голос.

— Заворожило, Гриша. Себя не помню. — Растерянно смотрит она на улыбающееся милое лицо. Потом решительно говорит: — Ладно. Согласна. Будь, что будет. Только дослушаем, Гриша.

— Да ничего худого не будет, — утешает парень. — Запишемся в загсе, примем вас с бабкой в колхоз, потом в комсомол вступишь. Может, и учиться поедешь. С твоим-то голосом в Советской стране люди не в мусор идут. Их ценят, отбирают. Может быть, вот так же петь будешь.

— Что ты, Гриша! Разве можно о таком думать... Мне? И так петь? — искренне удивляется Дуня и неожиданно добавляет: — А косу я завтра же обрежу.

— Совсем это не обязательно и не нужно, — шепчет парень, впиваясь горячими губами в упругий толстый жгут волос против затылка.

Чудесный голос передает настроение девушки, — в новой песне рассказывает о весне и сладких муках любви.

«Пожарный дед» вдруг неожиданно для всех, громко отзывается на последние слова песни:

— Да! Это тебе не граммофон!